

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ, ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ

© 2013 г. Евгений Афанасьевич Доля¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются онтологические, гносеологические и правовые основы уголовного судопроизводства, исследуется их связь с решением проблемы истины. На основе проведенного анализа обосновывается вывод о том, что отказ от установления объективной истины ведет к тому, что судопроизводство вступает в противоречие со своими онтологическими, гносеологическими и правовыми основами, теряет присущую ему качественную определенность, а судебная власть утрачивает гарантированную Конституцией РФ самостоятельность и независимость.

Annotation: this article is examined ontological, gnosiological legal foundation of criminal procedure, researched their connection with solving the problem of truth. Based on carry out analysis, conclusion that rejection of objective truth leads legal procedure to contradiction with its ontological, gnosiological and legal foundations, losing its inherent qualitative certainty and judicial authority losing self-sufficiency and independence which are guaranteed by Constitution of Russian Federation.

Ключевые слова: онтологическая, гносеологическая и правовая основа уголовного судопроизводства, истина, доказательства, доказывание.

Key word: ontological, gnosiological legal foundation of criminal procedure, truth, proof, proving.

Проблема истины, являясь одной из главных проблем науки уголовного процесса, постоянно приковывает к себе внимание теоретиков и практиков уголовного судопроизводства. С новой силой дискуссия по данной проблеме развернулась в связи с подготовкой и принятием УПК РФ. Именно в этот период число противников установления объективной истины в уголовном процессе значительно возросло, а ряд авторов стали придерживаться иных трактовок истины².

Принимая во внимание многогранность и многоплановость проблемы истины, в статье внимание будет уделено лишь отдельным ее аспектам,

а именно: связанным с ней онтологическим, гносеологическим и правовым основам судопроизводства; конвенциональной и формальной концепциям истины; анализу наиболее часто используемых в последние годы аргументов противников объективной истины в уголовном процессе.

В решении вопроса об истине в уголовном процессе автор статьи придерживается общеметодологического положения, сформулированного Г.В.Ф. Гегелем: «Истина есть соответствие мышления предмету, и для того чтобы создать такое соответствие – ибо само по себе оно не дано как нечто наличное, – мышление должно подчиняться предмету, сообразовываться с ним»³.

Установление истины – подлинная цель уголовного судопроизводства. Идеей истины, соответствия действительности промежуточных и итоговых знаний о преступлении, подчинения в процессе доказывания мышления предмету познания (совершенному преступлению) пронизана вся уголовно-процессуальная деятельность, начиная с ее низших форм и заканчивая высшими, присущими ей зрелыми формами. Несмотря на то что понятие «истина» в действующем УПК РФ не упоминается, это не означает, что уголовно-

¹ Профессор Академии ФСБ России, кандидат юридических наук, доцент.

² Как допустимые к использованию в уголовном судопроизводстве процессуалистами все чаще стали рассматриваться когерентная, прагматическая, референтная, конвенциональная, формальная, процессуальная (юридическая) и другие концепции истин. См., например: Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Науч.-практ. пос. М., 2000. С. 8–10; Тарасов Н.Н. Истина в юридическом исследовании (Некоторые методологические проблемы) // Академический юридический журнал. 2000. № 1. С. 14; Карякин Е.А. Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики. М., 2007. С. 17–28; Смирнов В.П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства // Гос. и право. 1998. № 3. С. 59, 60.

³ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1998. С. 25.

процессуальная деятельность не преследует цели установления истины.

Особенно зримо необходимость достижения истины при производстве по уголовным делам проявляется в нормах доказательственного права. Исходя именно из требования получения истинных знаний о преступлении, определен круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). Событие преступления, лицо, его совершившее и его виновность должны быть установлены в строгом соответствии с тем, что имело место в действительности, равно как и характер, размер вреда, причиненного преступлением, и другие обстоятельства, предусмотренные законом. С установлением в соответствии с действительностью указанных обстоятельств напрямую зависит защита личности, общества и государства от преступных посягательств. В противном случае уголовное судопроизводство не решит ни одну из задач, связанных со своим назначением (ст. 6 УПК РФ).

В действительности (в бытии) содержание преступления и его результаты образует деятельность конкретного человека, которая характеризуется противоправностью и общественной опасностью. Такая, а не какая-либо иная деятельность признается преступлением, она является уголовно наказуемой. Противоправность и общественная опасность объективно присущи преступлению. Этим оно отличается от всех иных общественных отношений. Данная сторона, другие стороны преступления независимо от воли преступника проявляются в окружающей действительности. Именно они выступают онтологической основой уголовно-процессуальной деятельности, образуют объект познания в уголовном процессе, служат объективной предпосылкой для возможности познания преступления в его общественно-правовой сущности, выражения этой сущности в соответствующих правовых нормах и достижения в процессе реализации данных норм истины по уголовному делу. Поэтому отступление от требования установления истины в уголовном судопроизводстве всегда связано с игнорированием либо ненадлежащим учетом прежде всего его онтологической основы⁴.

⁴ В этой связи представляют интерес суждения Л.А. Воскобитовой относительно объективности как свойства процессуальных решений. В частности, заслуживает внимания суждение о том, что власть и ее властные решения всегда должны «иметь социальную опору и отражать мнения, цели, устремления, объективно существующие в обществе» (см.: *Воскобитова Л.А. Объективность как свойство процессуальных решений // В сб.: Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Материалы*

Отказ от установления истины при производстве по уголовным делам вступает в противоречие и с гносеологической основой судопроизводства, процессом доказывания, образующим его стержень, сердцевину. Преступление, явившись в мир и отразившись в окружающей объективной действительности, не предстает перед органами расследования и судом в своем первоначальном виде. Для того чтобы судить, необходимо иметь правильное, адекватное действительности представление о том, что судишь (о событии преступления, лице, его совершавшем, его виновности и других обстоятельствах, характеризующих преступление). Оценивать можно только то, чем располагаешь. Нельзя правильно оценить то, чем не располагаешь, о чем нет соответствующих действительности знаний.

Знание о преступлении, его целостный образ не даются следователю и судье в готовом виде. Они формируются в их сознании в ходе и результате осуществляемого ими процесса познания. Истинное представление о преступлении, соответствующий действительности его образ могут быть сформированы в сознании властных субъектов уголовного процесса только в том случае, если в процессе познания (доказывания) будут учтены существенные особенности бытия преступления.

Форма и содержание, явление и сущность, характеризующие в своем единстве преступление, не совпадают, проявляются в окружающей действительности по-разному. Стороны, связи, зависимости и отношения, характеризующие преступление со стороны его внешних проявлений, устанавливаются при производстве по уголовному делу с использованием возможностей чувственного познания. Познание общественно-правовой сущности преступления достигается с помощью рационального познания. Использо-

междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора юрид. наук, проф. П.А. Лупинской. М., 2011. С. 40, 41). По сути, в данном суждении речь идет об онтологической основе власти и ее решений. Это дает основания для возможности сравнения содержания власти и принимаемых ею решений с их онтологической (объективно существующей) основой и применимости к ним категории истины. С этих позиций в объективную основу процессуальных решений (не зависящую от субъекта принятия решения) представляется спорным наряду с фактами включать и доказательства (см.: Там же. С. 47). Доказательства являются средством установления фактов и обстоятельств совершенного преступления. Кроме того, есть основания рассматривать объективность не как свойство процессуальных решений, но как правовое требование, которому они должны отвечать. Именно в результате соблюдения при принятии решений указанного требования они приобретают объективный характер.

мое субъектами уголовного процесса чувственное (сбориание доказательств) и рациональное познание (оценка доказательств) в своем единстве (включая переход от чувственного к рациональному познанию при проверке доказательств) образуют гносеологическую основу судопроизводства. Последняя согласуется с онтологической основой доказывания, корреспондирует ей и представляет воспроизведение, воссоздание в процессе доказывания целостного образа фактов и обстоятельств совершенного преступления (его онтологической основы).

Органическое сочетание, единство онтологической и гносеологической основы уголовного процесса находит выражение в его правовой основе – законодательном регулировании уголовно-процессуальной деятельности, направленном на установление уголовно-правового содержания бытия преступления в процессе его познания при производстве по уголовным делам. Это достигается с помощью уголовно-процессуальной формы, устанавливающей условия и порядок судопроизводства⁵. Посредством уголовно-процессуальной формы деятельность по установлению обстоятельств совершенного преступления, разрешению уголовного дела, по существу, приобретает правовой характер собирания, проверки и оценки доказательств, сочетающий в себе онтологические, гносеологические и правовые основы уголовного судопроизводства.

Именно при реализации уголовно-процессуальной формы происходит возврат в основание всего уголовного процесса его онтологической основы, осуществляется воспроизведение в процессе доказывания соответствующего действительности образа совершенного и познанного преступления. Преступление “второй раз является в мир”. Рассмотрение уголовного судопроизводства в единстве и взаимосвязи его онтологических, гносеологических и правовых основ позволяет выразить идею движения, развития познания при производстве по уголовному делу, перехода, “скачка” от фактов и обстоятельств совершенного

преступления к доказательствам, а от них и к целостному, истинному знанию о преступлении.

Учет и органическое сочетание онтологических, гносеологических и правовых основ уголовного судопроизводства могут быть обеспечены только при условии установления в процессе производства по уголовному делу обстоятельств совершенного преступления в точном соответствии с тем, что имело место в действительности, т.е. при достижения объективной истины. С этих позиций все множество трактовок истины, обосновываемых в теории уголовного процесса, отличных от концепции объективной истины (равно как и аргументы противников объективной истины), в конечном итоге объединяет одно общее свойство – искажение в той или иной форме онтологических, гносеологических и правовых основ уголовного судопроизводства либо прямой отказ от их учета.

Исходя из предложенного подхода, нельзя оценить как последовательную позицию авторов, признающих в качестве цели доказывания достижение истины – установление обстоятельств уголовного дела в точном соответствии с действительностью и одновременно допускающих возможность, целесообразность использования и иных трактовок истины⁶. Полагая, “что в теории доказательств в большинстве случаев вполне достаточно классического, то есть самого простого понимания истины” (как соответствия знаний действительности)⁷, сторонники этой позиции, вместе с тем, утверждают, что “при рассмотрении некоторых аспектов возможно и целесообразно использование и других трактовок истины. К ним

⁶ См.: Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. С. 8, 9. Частично взгляд Ю.К. Орлова на конвенциональную истину разделяет Е.А. Карякин, предложивший именовать ее конвенциональной истиной (см.: Карякин Е.А. Проблемы процессуального доказывания в российском уголовном судопроизводстве на основе принципа состязательности. Дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 176; Его же. Концептуальные основы формирования судебной истины в уголовном судопроизводстве // В сб.: Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора юрид. наук, проф. П.А. Лупинской. С. 176).

⁷ Характеристика истины, устанавливаемой в уголовном процессе, как “самого простого понимания истины”, представляется некорректной и таит в себе опасность порождения ложной мысли “о ее законченности, изолированности от других истин, что затем сказывается и на определении ее характера с точки зрения абсолютной и относительной истины” (см.: Дорохов В.Я. Марксистско-ленинская гносеология – основа теории доказательств // В кн.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 56).

⁵ Используя уголовно-процессуальную форму, законодатель регулирует: назначение, задачи и принципы уголовного судопроизводства; обязанности, права и ответственность участников уголовно-процессуальной деятельности; обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам; требования, предъявляемые к содержанию и форме доказательств (единственным средством установления преступления); условия и порядок производства следственных (судебных) действий, являющихся способами собирания доказательств, обязательность и пределы использования при этом наиболее общих приемов познания; правила проверки и оценки доказательств.

относятся, например, конвенциональная концепция истины и теория формальной (она же логическая или семантическая) истины”⁸. Приводимая при этом аргументация и примеры использования конвенциональной, формальной истины выглядят неубедительно и, как представляется, не дают основания для таких выводов.

Под конвенциональной понимается истина, “признаваемая таковой по конвенции, соглашению. Суждение является истинным не потому, что соответствует действительности, а потому, что люди договорились считать его истиной”⁹. В качестве типичного примера конвенциональной истины в уголовном процессе Ю.К. Орлов рассматривает признание лица невиновным при недоказанности его вины. При этом утверждает: “Его оправдывают не потому, что установили его невиновность. Нет, объективная истина осталась неустановленной, и вполне возможно, что преступление совершило именно это лицо. Его оправдывают потому, что так велят постулат – презумпция невиновности и вытекающее из него правило о том, что недоказанная виновность приравнивается к доказанной невиновности”¹⁰.

В данном случае причина оправдания лежит глубже, чем полагает Ю.К. Орлов. Сам постулат (презумпция невиновности и вытекающее из нее правило о том, что недоказанная виновность приравнивается к доказанной невиновности), в соответствии с которым лицо оправдывается, обусловлен существованием в практике доказывания объективных ситуаций, когда вину лица в совершении преступления доказать не удастся и возможности для устранения сомнений в его виновности исчерпаны. Поэтому рассматриваемый постулат является следствием учета законодателем именно данных объективных ситуаций, а не договоренности людей¹¹.

⁸ Отстаивая рассматриваемые трактовки истины, Ю.К. Орлов не объяснил, почему классическое понимание истины оказывается недостаточным “при рассмотрении некоторых аспектов”. В его позиции не содержится ответа и на другой вопрос. Почему из разработанных в зарубежной и отечественной науке других концепций истины, на которые он ссылается, им признается возможным и целесообразным использовать только конвенциональную и формальную концепции истины?

⁹ Орлов Ю.К. Указ. соч. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ Указанные объективные ситуации, в свою очередь, обусловлены чаще всего особенностями использованных способов приготовления, совершения и сокрытия преступлений, связанных с их онтологической основой. Примечательно, что представление о существовании конвенциональной истины и ее применимости в уголовном судопроизводстве приводит автора и к иному выводу. Он утверждает: “В принципе воз-

Вывод, согласно которому содержание социальных принципов и представлений (равно как и правовых принципов и представлений) обусловлено договоренностью людей¹², игнорирует онтологическую, гносеологическую и правовую основу принципов и представлений, их связь с бытием, приводит к отказу от познания этого бытия (подмене процесса познания договоренностью людей). Содержание указанных принципов и представлений в своей основе порождено действием объективных, фундаментальных факторов – господствующей формой собственности, уровнем развития социально-экономических, политических, научно-технических, общекультурных и других обстоятельств¹³.

Вызывает возражения и использование в уголовном процессе концепции формальной истины, которая, по мнению ее сторонников, реализуется, в частности, при “оценке допустимости доказательств, где решающее значение чаще всего имеют именно вопросы формы, а не соответствия доказательства объективной реальности”¹⁴. В приведенном суждении не учитывается взаимосвязь и взаимообусловленность формы и содержания¹⁵. Форма всегда содержательна, а содержание представляет собой “не что иное, как *переход формы в содержание*”¹⁶. Это общеметодологическое положение в полной мере относится к уголовно-процессуальной деятельности в целом и к собиранию

можно и прямо противоположный постулат, и принятие на его основе другого решения – о признании лица виновным или оставлении его под подозрением, что, как известно, в истории права имело место” (см.: Орлов Ю.К. Указ. соч. С. 9). Объяснить подлинные причины существования указанных противоположных постулатов только договоренностью людей вне их онтологического, гносеологического и правового контекстов невозможно.

¹² См.: Там же.

¹³ Объективная обусловленность правовых принципов признается в теории государства и права, гражданском праве (см.: Основы теории государства и права / Под ред. Н.Г. Александрова. М., 2005. С. 205; Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 135, 138).

¹⁴ Орлов Ю.К. Указ. соч. С. 9. В той или иной форме концепцию формальной истины в уголовном процессе, в частности, разделяют И.Б. Михайловская, Е.Б. Мизулина (см.: Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 8, 9; Мизулина Е.Б. Независимость суда еще не есть гарантия правосудия // Гос. и право. 1992. № 4. С. 55).

¹⁵ Вывод, согласно которому при оценке допустимости доказательств решающее значение имеют вопросы формы, а не соответствия доказательств объективной реальности, обусловлен искусственным отрывом формы доказательств от их содержания.

¹⁶ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб., 1912. С. 298. На превращение формы в содержание обращал внимание К. Маркс (см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 11. С. 374).

доказательств, в частности. Закрепленная в законе уголовно-процессуальная форма, выражающая требование допустимости (соответствия закону источника и способа собирания доказательств), сформулирована законодателем с учетом цели достижения истины по уголовному делу¹⁷. Поэтому при собирании (формировании) доказательств, равно как и при их проверке, решающее значение имеют не просто вопросы формы ради формы, а соблюдение формы для формирования доброкачественного содержания¹⁸.

Полагая, что классическая концепция истины не дает ответа на все вопросы, возникающие в процессе познания окружающего мира, противники объективной истины отмечают, что один из них связан с понятием действительности. При этом утверждается, что коль скоро “при установлении истины полученные знания сопоставляются с действительностью, то необходимо иметь стопроцентную уверенность в подлинности этой действительности. Проблема заключается в том, что полной уверенности в подлинности действительности у нас нет, поскольку наше знание сравнивается не с самой действительностью, а с ее *восприятием*, которое зависит от нашего жизненного опыта и познавательных способностей”¹⁹.

Сомнения в подлинности действительности, по сути, означают не что иное, как завуалированное непризнание существования объективной действительности и фактическое отрицание возможности ее познания. При этом сравнение в процессе доказывания знаний с действительностью исключается, “полученные знания сопоставляются” не с действительностью, а с такими же знаниями, но сформированными на уровне восприятия этой действительности. В результате вопрос о соответствии воссозданной в процессе

доказывания мысленной картины совершенного преступления объективной действительности остается открытым, поскольку ответ на него по существу предлагается искать лишь в пределах сознания²⁰.

Обстоятельство того, что восприятие в определенной мере зависит от жизненного опыта познающего субъекта и его познавательных возможностей, возражений не вызывает. Однако из этого вовсе не следует, что в процессе познания “наше знание сравнивается не с самой действительностью, а с ее *восприятием*”. Наши знания через восприятие сравниваются именно с действительностью. Такое сравнение имеет место в ходе как чувственного, так и рационального познания. Данный вывод в полной мере распространяется и на доказывание, преследующее цель установления обстоятельств совершенного преступления²¹.

²⁰ См.: *Дорохов В.Я.* Марксистско-ленинская гносеология – основа теории доказательств // В кн.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 63. Именно не выходя за пределы сознания, отвергает возможность достижения судом объективной истины, в частности, Д.А. Мезинов, настаивающий на “необходимости достижения судом предельно обоснованных, доказанных, а в целом – достоверных (достойных веры) знаний-выводов об устанавливаемых фактах, которые общественность примет как объективно истинные” (см.: *Мезинов Д.А.* К вопросу о возможности и критериях достижения объективной истины в уголовном судопроизводстве // В сб.: Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики. М., 2010. С. 93, 94. Показательно, что, отрицая возможность установления истины в уголовном процессе, Д.А. Мезинов вместе с тем полагает необходимым, чтобы общественность “знания-выводы” суда по уголовному делу принимала как “объективно истинные”.

²¹ Результаты, например, опосредованного чувственного познания, полученные следователем в ходе допроса свидетеля, о том, что мужчина, нанеся потерпевшему ножовое ранение, выбросил нож в канаву, будут проверены путем сравнения данного знания с действительностью в ходе осмотра канавы. При этом знание, полученное при допросе свидетеля, сопоставляется через восприятие действительности с самой действительностью (конкретной канавой, нахождением или отсутствием в ней ножа), а не с восприятием данной действительности. То обстоятельство, что осмотр канавы, обнаружение ножа происходят посредством их восприятия участниками следственного действия, ни в коей мере не ставит под сомнение существование этой части действительности (канавы, ножа), но, наоборот, свидетельствуют о ее объективном существовании. Сопоставление знаний с действительностью, а не с восприятием действительности имеет место в процессе доказывания и на рациональном уровне познания. Так, правильность выводного знания о лице, совершившем преступление, полученного в результате оценки совокупности собранных и проверенных доказательств, подтверждается путем сопоставления этого знания с обнаруженными, в частности в ходе осмотра, следами, предметами, оставленными данным лицом на месте совершения преступления.

¹⁷ Соблюдение требования допустимости обеспечивает формирование доказательств, содержание которых в большей степени будет соответствовать действительности, а следовательно, и способствовать достижению конечной цели доказывания – установлению истины.

¹⁸ Проверка соответствия формы доказательств, требованиям допустимости, удаляя из процесса доказывания недопустимые доказательства, следовательно, суд тем самым вносит коррективы и в содержание своих знаний о преступлении. В связи с этим правильно отмечалось: “Предъявляемые к форме доказательства требования составляют важные гарантии достоверности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию; обоснования принятых решений; органического сочетания требования раскрытия преступлений, изобличения и справедливого наказания виновных и охраны прав участников процесса” (см.: *Дорохов В.Я.* Понятие доказательства // В кн.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 212).

¹⁹ *Францифоров Ю.В.* Противоречия уголовного процесса. М., 2006. С. 20.

Полагая, что знание сравнивается не с действительностью, а с ее восприятием, Ю.В. Францифоров возводит непреодолимую стену между действительностью и ее восприятием познающим субъектом (онтологическими и гносеологическими основами судопроизводства), не учитывает существующую между ними связь. При этом происходит искажение и самого процесса познания, поскольку из него не только исключается возможность сравнения получаемых знаний с объектом познания, но и, по существу, отрицается обусловленность содержания этих знаний особенностями познаваемого объекта²².

Результаты восприятия действительности, полученные в процессе ее познания, возможно и необходимо сравнивать с существующей независимо от познающего субъекта объективной действительностью. Именно в результате этого сравнения устанавливается соответствие (несоответствие) восприятия действительности. Поэтому восприятие как одна из форм, в которых в процессе доказывания реализуется чувственное познание, является достаточно надежным средством познания²³.

Действительность с неизбежностью, со стопроцентной уверенностью познающего субъекта в ее подлинности даст знать о себе (“проведет не зависящее от человека сравнение его знаний с действительностью”) при малейшей попытке руководствоваться в практической деятельности результатами неверного представления о данной действительности²⁴.

Не усиливает анализируемую позицию и ссылка на мнение А.А. Оганова, согласно которому мы не можем полагаться на ту действительность, которую желаем считать вполне реальной, поскольку воспринимаем ее чувственно-рациональным образом, а мир вокруг как бы заранее субъектив-

но упорядочен нами еще до того, как мы стали проверять истинность знания²⁵. Субъективная упорядоченность мира в употребленном контексте представляет собой не что иное, как знания о действительности, достигнутые предшествующими поколениями. Эти знания в процессе их получения сопоставлялись с действительностью через практику, в результате чего устанавливалась их истинность, соответствие действительности. В противном случае речь должна идти не о знании, а о заблуждении²⁶. Поэтому, используя в процессе познания знания предшествующих поколений (как бы заранее субъективно упорядоченный мир), мы в конечном итоге так же опираемся на практику сравнения данных знаний с действительностью.

Уязвимость анализируемой позиции обусловлена и привнесением ее автором в действительность новых свойств, реализующихся, по его мнению, благодаря познавательной деятельности. Это проявляется в выводе о том, что “предмет, ставший объектом изучения, как бы приобретает новые свойства, о которых не было известно и которые следует именовать объективной реальностью, реализующейся благодаря познавательной деятельности”²⁷. Оттого, что какие-либо свойства предмета не известны познающему субъекту, предмет не перестает обладать ими. Данные свойства входят в содержание объективной реальности независимо от того, знаем мы о них или нет. Поэтому свойства предмета, как и сам предмет, существуют объективно, независимо от нашего сознания, а не реализуются благодаря познавательной деятельности. Признание возможности привнесения в познаваемую объективную действительность новых свойств ведет к искажению онтологической, гносеологической и правовой основ судопроизводства, оборачивается на практике следственными и судебными ошибками.

Не спасает положения и аргумент, согласно которому “проверка теории на соответствие фактам представляет собой субъектно-объектное отношение между мыслями и действительностью, которые не могут быть идентифицированы с высокой степенью точности из-за относительной незави-

²² Формы, в которых осуществляется чувственное (ощущения, восприятия, представления) и рациональное (понятия, суждения, умозаключения) познание, находятся в связи с окружающей объективной действительностью, обусловлены ее особенностями, подчинены цели познания этой действительности, являются одновременно средством и результатом ее познания. Указанные формы не представляют собой окружающую нас действительность, но являются лишь образом этой действительности, которая существует объективно, независимо от наших представлений о ней.

²³ В качестве одного из аргументов, подтверждающих невозможность установления объективной истины в уголовном процессе, “недостаточность восприятия” называют зарубежные юристы (см., например: *Бернам У.* Суд присяжных заседателей. М., 1995. С. 116).

²⁴ Этот вывод наглядно демонстрируется на примере с человеком, когда он, руководствуясь своим ошибочным восприятием действительности (дверь находится на месте окна), попытается выйти в окно квартиры, расположенной на тридцатом этаже многоэтажного дома.

²⁵ См.: *Оганов А.А.* Познавательное отношение человека к миру. М., 2004. С. 473.

²⁶ Субъективная упорядоченность мира – это отражение мира в нашем сознании, но это не сам мир. Данное отражение может быть истинным, соответствующим объективной действительности, а может быть и ложным, неверно ее воспроизводящим. Во втором случае ни о какой упорядоченности нашего представления о мире, соответствующей данному миру, не может быть и речи, поскольку все наши действия, в которых мы будем опираться на неверные представления о мире, не дадут желаемого результата.

²⁷ *Францифоров Ю.В.* Указ. соч. С. 20.

симости их составляющих, поскольку мысль не служит зеркальным отображением бытия, а лицо, обладающее мыслительными способностями, само является частью действительности”²⁸.

Несомненно, мысль не является зеркальным отражением бытия. Она – результат сложнейшего психического процесса отражения бытия в сознании человека. Однако то обстоятельство, что “лицо, обладающее мыслительными способностями, само является частью действительности”, не мешает ему выделить себя из этой действительности, правильно осознать свое место и роль в ней (использовать это знание в своей практической деятельности). Поэтому вопреки рассматриваемому мнению проверка теории фактами в процессе реализации “субъектно-объектных отношений между мыслями и действительностью” позволяет установить соответствие или несоответствие мыслей (знаний) действительности. В противном случае мир был бы непознаваем, а научные теории (упорядоченные согласно познанным закономерностям развития бытия мысли) не имели бы практического значения и были бы ненужными.

Из противоречия, возникающего “между совокупностью явлений, позволяющих чувственно воспринимать мир, и совокупностью вещей в себе, закрытых от чувственного восприятия”, на которое обращает внимание Ю.В. Францифоров, вовсе не следует, что мир не познается человеком именно таковым, как он есть. Не подкрепляет рассматриваемую позицию и ссыла на суждение И. Канта, согласно которому человек не способен воспринимать мир таковым, каков он есть, но он способен его познать таковым, каковым позволяют ему это сделать его познавательные способности²⁹.

Приведенное суждение И. Канта свидетельствует лишь об ограниченности познавательных возможностей человека конкретно-историческими условиями места и времени, в силу чего он и не может познать мир сразу таковым, каков он есть в целом³⁰. Отмеченное противоречие в процессе его становления, развития и разрешения выступает той движущей силой, которая позволяет человеку и человечеству двигаться от незнания к знанию, от знания неполного к более полному знанию.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Кант И. Соч. Т. 5. М., 1966.

³⁰ С развитием познавательных возможностей человека развивается и его правильное, хотя и ограниченное, представление об окружающем мире. Человек не способен познать весь мир сразу, в целом, ибо мир бесконечен, но он может и познает его постепенно, по мере собственного развития и совершенствования своих познавательных способностей, развития науки и техники, по мере того, как все новые и новые части окружающего мира охватываются практической деятельностью человека.

Склоняясь к тому, что наиболее приемлемым представляется рассмотрение понятия истины с диалектических позиций, Ю.В. Францифоров в дальнейшем делает целый ряд оговорок, которые дезавуируют этот вывод и приводят его к фактическому отрицанию возможности установления истины в уголовном процессе. Это проявляется, в частности, в утверждении, что “истину следует рассматривать не только как определенный результат, но в большей мере как процесс, в котором находят диалектическое взаимодействие элементы абсолютности и относительности, не претендующие на окончательность и завершенность своего состояния”³¹.

При таком подходе абсолютизируется процесс установления истины. Он противопоставляется его результату, происходит нарушение связи между гносеологической и онтологической основами доказывания, принижается значение результата процесса познания. В итоге создаются теоретические предпосылки для оправдания несоответствия результата познания познаваемому, отказа от установления истины при производстве по уголовным делам.

В действительности истина как результат познания находится в органическом единстве с процессом (путем), ведущим к данному результату³². Характеризуя ступени на пути движения к установлению истины по уголовному делу в целом, предшествующие знания (относительные истины)³³ только в своей органической совокупности с обвинительным заключением на предваритель-

³¹ Францифоров Ю.В. Указ. соч. С. 22. В данном вопросе Ю.В. Францифоров солидаризируется с Е.Б. Мизулиной (см.: Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991. С. 43).

³² Истинное знание о преступлении в целом, достигаемое (в итоговых решениях по уголовному делу – обвинительном заключении, приговоре) посредством оценки всей совокупности доказательств, находится в органическом единстве со знаниями, полученными прежде в ходе многочисленных единичных, отдельных актов чувственного познания (происходящих при собирании доказательств), и знаниями, формируемыми на рациональном уровне познания (при оценке ограниченных совокупностей доказательств).

³³ Относительные истины, устанавливаемые при собирании и проверке доказательств, оценке ограниченных совокупностей доказательств, отражают хотя и существенные, но лишь отдельные, не охватывающие в целом стороны, свойства, связи и отношения совершенного преступления. Относительные истины, являясь истинами объективными, в силу этого заключают в себе правильное, но не полное отражение преступления (знания о нем), которое в ходе дальнейшего доказывания уточняется, пополняется и углубляется. И только в конечном итоге, будучи на рациональном уровне познания “соединенными”, эти “разъединенные звенья” относительных истин позволяют получить развернутую истину, т.е. не только в виде “узловых пунктов”, “ступеней” ведущий к ней путь, но и результат – объективную истину по уголовному делу в целом, в единстве пути и результата.

ном следствии и с приговором в суде дают развернутое, целостное представление о характере и содержании истины, устанавливаемой на предварительном расследовании и в суде³⁴.

Отмечая, что не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением, Г.В.Ф. Гегель обращал внимание на то, что “голый результат есть труп, оставивший после себя тенденцию”³⁵. Из этого следует и вывод о том, что путь, ведущий к истине, не является действительно целым в отрыве от результата, к которому он привел³⁶. Подчеркивая диалектическую связь истинности пути исследования с истинностью результата исследования, К. Маркс отмечал: “Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование – это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге”³⁷.

На путь прямого отрицания необходимости достижения истины в уголовном процессе Ю.В. Францифоров становится при объяснении причин, по которым разработчики УПК РФ вынуждены были поставить под сомнение возможность установления истины при производстве по уголовным делам. По его мнению, “процесс приведения предмета (мысли) в соответствие со своим понятием... по сути невозможен при диалектико-материалистическом понимании истины, так как истина, которая по логике вещей должна соответствовать непосредственной данности предмета, превращается в его отрицание, поскольку претупает эмпирическую действительность наличного бытия”³⁸. Рассуждая таким образом, автор допускает принципиальную ошибку.

Всю сложную и многообразную в своем содержании действительность, ее бытие он ограничивает только эмпирической действительностью “наличного бытия”. Однако бытие включает в себя и движение, развитие его внутреннего содержания.

Учитывая данное обстоятельство, содержание истины недопустимо сводить лишь к знаниям о непосредственной данности предмета. Такое понимание истины применимо лишь к чувственному познанию, которое действительно позволяет получить знание о внешних свойствах, состояниях, отношениях и связях предмета (непосредственной данности предмета). В процессе познания используется не только чувственное познание. Процесс познания обязательно включает и рациональное познание. С его помощью преодолевается эмпирическая действительность наличного бытия предмета. Диалектико-материалистическое понимание истины допускает отрицание предмета в указанном выше смысле³⁹. Поэтому рассмотренное объяснение сомнений разработчиков УПК РФ в возможности установления истины в уголовном процессе представляется некорректным.

Отрицание возможности установления истины при производстве по уголовным делам проявляется в отношении автора и к обстоятельствам, определенным в ст. 73 УПК РФ, и к доказательствам как средству доказывания. Он не расценивает данные обстоятельства как окончательные, а доказательства, на основании которых они устанавливаются, не считает абсолютно достоверными и истинными, в силу чего, по его мнению, и процессуальные решения, принимаемые в уголовном судопроизводстве, не могут быть абсолютно безупречными⁴⁰.

Тот факт, что законодатель в ст. 73 УПК РФ не перечислил всех обстоятельств, которые подлежат доказыванию при производстве по уголовным делам, нельзя рассматривать как аргумент в пользу невозможности достижения истины в уголовном процессе. Перечислить все многообразие данных обстоятельств в норме закона просто невозможно, да и не нужно. Достаточно сформулировать критерии, которыми должен руководствоваться правоприменитель при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию. И это в законе сделано.

³⁴ В силу отмеченного отказ законодателя от изложения в приговоре анализа и оценки доказательств, на основе которых судья постановляет приговор по уголовным делам, рассматриваемым и разрешаемым в особом порядке, заслуживает отрицательной оценки. Он затрудняет возможности последующей проверки данного приговора.

³⁵ См.: Гегель Г.В.Ф. Соч. М., 1929–1956. Т. 4. С. 2.

³⁶ Точно так же не является действительно целым и результат познания в отрыве от пути, ведущего к истинному результату. Данного обстоятельства не учитывают авторы, утверждающие, что понятие “истина” не характеризует способа достижения результата, а охватывает только соответствие достигнутого знания действительности (см.: Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 63; Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе. М., 2001. С. 38). И эта трактовка истины построена на искусственном обособлении гносеологической основы судопроизводства от его онтологической основы, абсолютизации результата познания, его отделении от пути, ведущего к данному результату.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. С. 7, 8.

³⁸ Францифоров Ю.В. Указ. соч. С. 22.

³⁹ Приговор в данном контексте можно рассматривать как отрицание преступления не только в силу того, что он содержит негативную оценку государством совершенного лицом деяния, но и потому, что его содержание, соответствующее совершенному преступлению, представляет собой не само преступление, а иное данного преступления.

⁴⁰ См.: Францифоров Ю.В. Указ. соч. С. 24.

Не усиливает анализируемую позицию и ссылка на несоответствие доказательств требованиям достоверности и истинности. Достоверность не входит в понятие доказательства⁴¹. Представление о том, что в доказывании используются только достоверные доказательства, – заблуждение, получившее широкое распространение.

Невозможность установления истины Ю.В. Францифоров объясняет и субъективностью содержания всего процесса доказывания. Применительно к собиранию доказательств данный вывод аргументируется тем, что оно осуществляется в основном не судом, а следователем, дознавателем, прокурором, а также наиболее заинтересованными лицами – невластными участниками со стороны обвинения и защиты. Проверка доказательств, по мнению автора, также не застрахована от субъективизма и формальности в силу того, что она производится путем сопоставления, подтверждения или опровержения проверяемых доказательств. Что касается оценки доказательств, то тут автор еще более категоричен. Она, по его представлению, обладает еще большей свободой и субъективностью, чем другие части доказывания, в силу того, что производится по внутреннему убеждению и субъект доказывания при этом руководствуется не только законом, но и совестью⁴².

Вывод о том, что “весь процесс доказывания по своему содержанию весьма субъективен”, как и приводимые в его обоснование аргументы, вызывает возражения. В нем не учитывается связь между онтологической и гносеологической основами судопроизводства. Применительно к доказыванию как разновидности процесса познания допустимо говорить о субъективной форме, в которой он протекает, поскольку познающим субъектом, как и в любом познании, при этом выступает человек (следователь, судья). Будучи субъективным по форме, доказывание должно быть объектив-

ным по своему содержанию, поскольку направлено на установление обстоятельств уголовного дела, существующих объективно, независимо от познающего субъекта⁴³.

Субъективность содержания доказывания, в частности его первоначальной части, не подтверждается и ссылкой на то, что доказательства собираются в основном не судом, а властными субъектами на стороне обвинения и другими наиболее заинтересованными лицами – невластными участниками со стороны обвинения и защиты. В основе данного утверждения лежит искаженное представление о роли суда в доказывании. В суде доказательства собирает (равно как и проверяет, и оценивает) именно суд⁴⁴. Не осуществляют собирания доказательств в суде невластные субъекты уголовного судопроизводства – ни со стороны обвинения, ни со стороны защиты⁴⁵.

⁴³ Отмеченное в полной мере относится и к доказательствам. Доказательство – это всегда единство объективного содержания (отраженного, значимого для уголовного дела факта, обстоятельства) и субъективной формы (отражение в сознании конкретного лица, занимающего определенное процессуальное положение). Формированию доказательств, содержание которых в максимальной мере соответствовало бы значимым для уголовного дела фактам и обстоятельствам, как уже отмечалось, подчинены и требования закона, предъявляемые к форме доказательств – их допустимости.

⁴⁴ Не осуществив чувственного познания обстоятельств совершенного преступления, которому в доказывании соответствует собирание доказательств, суд не сможет в дальнейшем при постановлении приговора разрешить ни одного из вопросов, предписанных законом (ст. 299 УПК РФ). Чувственное познание, осуществляемое судом с участием сторон (собирание и частично проверка доказательств), служит той основой, на которой развивается дальнейший процесс доказывания (проверка и оценка доказательств), в ходе которого устанавливаются обстоятельства преступления в их уголовно-правовом содержании. Подтверждением этому служит и требование закона, согласно которому приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании (ч. 3 ст. 240 УПК РФ). Подробнее об этом см.: *Доля Е.А.* О реструктуризации уголовного судопроизводства (Концепции как гипотезе): критический анализ // *Гос. и право.* 2012. № 11. С. 26, 27, 30, 32–34.

⁴⁵ Свои процессуальные интересы они реализуют посредством участия в судебных действиях, направленных на собирание доказательств, заявления ходатайств об их производстве, представления в суд предметов и документов, на основе которых могут быть сформированы доказательства. Именно по такому пути идет судебная практика. Это в полной мере распространяется и на результаты опросов лиц, осуществленных защитником с их согласия и представленных в суд. Они не являются доказательствами, но могут рассматриваться лишь в качестве подтверждения обоснованности заявленного стороной защиты ходатайства о вызове в суд и допросе опрошенного лица в качестве свидетеля. Подробнее об этом см.: *Доля Е.А.* К вопросу о праве стороны защиты собирать и представлять доказательства // *Уголовный процесс.* 2007. № 4. С. 79–83.

⁴¹ См.: *Дорохов В.Я.* Понятие доказательства в советском уголовном процессе // *Сов. гос. и право.* 1964. № 9. С. 114, 115. Соответствие содержания доказательства действительности (достоверность) устанавливается в результате его проверки. Для того, чтобы осуществить проверку доказательства, необходимо, как минимум, иметь доказательство. Познание субъектами доказывания с помощью доказательств обстоятельств совершенного преступления начинается уже в ходе их формирования и продолжается при проверке доказательств. Более того, в процессе доказывания используются не только достоверные, но и недостоверные доказательства. Подробнее о формировании доказательств см.: *Доля Е.А.* Формирование доказательств в уголовном судопроизводстве // В сб.: *Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики. Материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф.* Ч. 2. М., 2012. С. 52–77.

⁴² *Францифоров Ю.В.* Указ. соч. С. 24, 25.

Объективный характер содержания процесса доказывания (связь между онтологической и гносеологической основами судопроизводства) особенно зримо проявляется при проверке доказательств, когда устанавливается их достоверность, соответствие содержащихся в них сведений фактам и обстоятельствам, имеющим значение для уголовного дела⁴⁶. Каждый шаг в процессе собирания и проверки доказательств основывается на действительности, с ней сопоставляется, через нее корректируется. Довод о том, что проверка доказательства путем сопоставления приводит к подтверждению или опровержению его содержания, свидетельствует не о субъективности проверки, как полагает автор, а об обратном – ее объективном характере. Объективность присуща и оценке доказательств, несмотря на то что она осуществляется по внутреннему убеждению субъектов доказывания, которые при этом обязаны руководствоваться законом и совестью (ч. 1 ст. 17 УПК РФ)⁴⁷.

Непоследовательность Ю.В. Францифорова во взгляде на истину, устанавливаемую в уголовном судопроизводстве, проявляется в том, что он, отрицая ее как цель доказывания, в то же время считает необходимым учитывать объективный характер принимаемого по делу решения⁴⁸.

В связи между познаваемой объективной действительностью (преступлением) и принимаемыми по уголовному делу решениями, которые должны

отвечать требованию объективности, первичным, определяющим выступает объективная действительность. Поэтому одним из важнейших условий объективного характера принимаемых в процессе доказывания решений (независимости их содержания от познающего субъекта) в конечном итоге должно являться соответствие действительности содержания, получаемого в форме этих решений.

Отрицая истину как цель доказывания, автор тем самым отрицает и возможность достижения соответствия действительности результатов доказывания – промежуточных и итоговых решений по делу. Невозможно, соблюдая последовательность, отрицать соответствие принимаемых по уголовному делу решений действительности и одновременно исходить при этом из того, что они должны носить объективный характер. Одно исключает другое⁴⁹.

В итоге Ю.В. Францифоров приходит к выводу о постановлении приговора судом на основе вероятностного знания⁵⁰. При этом автор ссыла-

⁴⁶ При этом содержание проверяемых доказательств сопоставляется с действительностью через содержание других доказательств, связанных с проверяемыми доказательствами через отображаемые факты.

⁴⁷ Выводы о существенных сторонах преступления следователь и суд делают в результате оценки соответствующих действительности совокупности собранных и проверенных доказательств. Данные выводы сравниваются с действительностью, при необходимости с учетом результатов сравнения они и корректируются. Это подтверждается, в частности, требованиями закона, устанавливающими необходимость изменения и дополнения предъявленного обвинения, если в ходе предварительного следствия появятся основания для этого (ст. 175 УПК РФ).

Из рассматриваемой аргументации, приведенной Ю.В. Францифоровым в подтверждение тезиса о субъективности содержания всего процесса доказывания, заслуживает внимания лишь ссылка на то обстоятельство, что при оценке доказательств субъект доказывания обязан руководствоваться совестью. Однако и данное требование свидетельствует не о субъективном характере оценки доказательств, а о той ошибке, которую допустил законодатель, предписав правоприменителю руководствоваться при оценке правового явления (преступления) неправовой категорией (совестью).

⁴⁸ Францифоров Ю.В. Указ. соч. С. 25. Представляется, что при этом автор допускает ошибку, отождествляя истину как цель доказывания с объективностью и полнотой исследования обстоятельств уголовного дела. Объективность и полнота исследования – одно из необходимых условий обеспечения соответствия знаний о преступлении, получаемых в ходе доказывания, действительности.

⁴⁹ Аналогичного рода непоследовательность во взгляде на истину присуща и позиции А.С. Барабаша. Полагая, что мир в исторической перспективе вообще познаваем, он в то же время указывает на проблематичность возможности достижения истины (как ее понимают) в каждом конкретном случае (см.: Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 117). В результате автор приходит к фактическому отрицанию возможности установления истины в уголовном процессе и солидаризируется с подходом, согласно которому вывод «о возможности раскрытия всякого преступления верен применительно к понятию преступления как вида или типа, но он иногда оказывается несостоятельным в отношении конкретного уголовного дела» (см.: Резник Г.М. Оправдание за недоказанностью // Сов. юстиция. 1969. № 15. С. 12; Курылев С.В. О достоверности и вероятности в правосудии // Правоведение. 1968. № 1. С. 65; Трусов А.И. Проблемы надежности доказывания в советском уголовном процессе. М., 1984. С. 6, 7).

⁵⁰ Этот вывод в теории разделяло значительное число процессуалистов (см.: Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 303; Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 53, 54; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1910. С. 172–180; Вышинский А.Я. Проблемы оценки доказательств в советском процессе // Проблемы уголовной политики. Кн. IV, М., 1937. С. 20, 27; Голунский С.А. О вероятности и достоверности в уголовном суде // Проблемы уголовной политики. Кн. IV, М., 1937. С. 61; Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 252; Тадевосян В.С. К вопросу об установлении материальной истины в советском уголовном процессе // Сов. гос. и право. 1948. № 6. С. 66–68; Курылев С.В. Указ. соч. С. 63, 64). Ряд авторов придерживаются вероятностного понимания истины, устанавливаемой в уголовном процессе, и в настоящее время (см.: Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В.А. Власихина. М., 2000. С. 156; Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. С. 172; Воронов А.А. Установление истины не есть критерий законности // Закон и право. 2004. С. 27–30).

ется на предусмотренную законом возможность обжалования приговора и иного судебного решения⁵¹. Данный аргумент сторонниками вынесения приговора на основе вероятности приводился и ранее⁵².

Существо неправильности анализируемой позиции состоит в отождествлении имеющих место в судебной практике ошибочных решений судов, возможных, но не фатально неизбежных, обусловленных ошибками в доказывании, с допустимостью установления истины на основе вероятности. Наличие апелляционного, кассационного, надзорного порядка пересмотра приговоров расширяет возможности предупреждения и исправления судебных ошибок, но не меняет принципиальной необходимости соответствия содержания приговора действительности⁵³. Поэтому окончательные выводы по уголовному делу органов расследования и суда должны строиться на основе не вероятностных, а истинных знаний – знаний, которые соответствуют действительности.

Возражая против трактовки объективной истины как такого содержания человеческих знаний, которое правильно отражает объективную действительность и “не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества”⁵⁴, А.С. Барабаш задает вопрос: “а от кого же тогда зависит это знание, как может человеческое знание не зависеть от него, что оно дается ему в готовом виде кем-то потусторонним?”⁵⁵.

Действительно, знание не может быть дано человеку в готовом виде. Безусловно, это понимал В.Я. Дорохов, которому принадлежит трактовка объективной истины в уголовном процессе, против которой возражает А.С. Барабаш. Содержание человеческих знаний, правильно отражающих объективную действительность и поэтому именуемых объективной истиной, вопреки мнению оппонента не должно зависеть от познающего субъекта. Если же в содержание человеческих знаний в процессе познания познающим субъектом привносится содержание, которое не присуще действительности, то такой результат познания не

соответствует содержанию объективной истины и является неистинным. В связи с этим “познание в уголовном судопроизводстве будет иметь значение объективной истины потому, что в выводах следователя, судей есть такое содержание, которое существовало в действительности, вне и независимо от сознания познающих преступление следователя и судей”⁵⁶.

Позицию А.С. Барабаша по данному вопросу частично разделяет Л.Т. Ульянова, утверждая, что “истина не может не зависеть от человека, так как она – его собственное знание. Поэтому она зависит от человека. Вместе с тем ее содержание не зависит от человека, так как он воспроизводит то, что существует в объективном мире”⁵⁷. В данном случае точнее и правильнее говорить не о том, что “истина не может не зависеть от человека, так как она его собственное знание”, но о том, что достижение или недостижение истины зависят от познающего субъекта (человека)⁵⁸.

Активная роль субъекта в процессе познания, воспроизведение им объективно существующих фактов, не являющееся их зеркальным отражением, на которые ссылается Л.Т. Ульянова для обоснования зависимости истины от человека⁵⁹, не отменяет того положения, что истинные знания должны соответствовать объективной действи-

⁵⁶ Дорохов В.Я. Содержание истины как цели доказывания // В кн.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 124.

⁵⁷ См.: Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. Учеб. пос. М., 2008. С. 26, 27.

⁵⁸ См.: Точно также неточно процесс установления истины определять как “формирование истины” (см.: Карякин Е.А. Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики. М., 2007. С. 29, 51, 65. Не вдаваясь в детальную аргументацию, отметим, что термин “формирование” достаточно точно характеризует процесс образования доказательства, но его применение к категории “истина” вызывает возражения. Установление соответствия действительности знаний, формируемых на чувственном и рациональном уровнях познания, не охватывает всего процесса доказывания, а характеризует лишь его дискретную, скачкообразную часть, переход к истинному знанию. Несмотря на то что установление соответствия получаемых при этом знаний действительности осуществляется в процессе формирования, проверки и оценки доказательств, окончательно вопрос о соответствии действительности промежуточных и итоговых знаний о преступлении (их истинности) в целом решается при оценке всех собранных, проверенных доказательств в их совокупности (в приговоре). Исходя из этого, соответствие либо не соответствие знаний действительности в процессе познания устанавливается, но не формируется. Отмеченное соответствие либо есть, либо его нет.

⁵⁹ См.: Ульянова Л.Т. Указ. соч. С. 27.

⁵¹ Францифоров Ю.В. Указ. соч. С. 26.

⁵² См., например: Курылев С.В. Указ. соч. С. 63, 64.

⁵³ В теории правильно отмечалось, что “в этих стадиях хотя и в иных условиях и пределах, но каждый раз происходит процесс познания тех же обстоятельств, что и в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства, и опять же в ходе познания осуществляется практическая проверка делаемых выводов” на предмет их соответствия действительности (см.: Дорохов В.Я. Марксистско-ленинская гносеология – основа теории доказательств. С. 65).

⁵⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 123.

⁵⁵ Барабаш А.С. Указ. соч. С. 109.

тельности и не зависеть ни от познающего субъекта, ни от человека, ни от человечества.

Не усиливает рассматриваемую позицию и ссылка на результаты социологических исследований причин судебных ошибок, свидетельствующих, по мнению Л.Т. Ульяновой, о зависимости установления истины по уголовным делам от факторов, характеризующих субъект познания и его личностное отношение к познаваемым явлениям действительности⁶⁰. Именно зависимость результатов познания по приведенным уголовным делам от субъектов познания, обусловленная их личностным отношением к познаваемым явлениям действительности, и привела к судебным ошибкам⁶¹.

Свое несогласие с объективным характером истины А.С. Барабаш подкрепляет ссылкой на А.В. Гриненко, который отмечает: “Истина сама по себе, являясь продуктом умственной деятельности, не может быть объективной, как не может быть объективным любое отражение предмета взамен самого предмета”⁶². Данный аргумент лишь ослабляет позицию, отстаиваемую данными авторами. Истина субъективна только по форме, но объективна по своему содержанию, поскольку заключенное в ней знание правильно отражает объективную действительность, соответствует ей. И именно в этом заключается диалектика субъективного и объективного в истине, возможность их взаимопереходов. Поэтому вопреки приведенному суждению отражение объекта в сознании познающего субъекта (переход объективного в субъективное) субъективно по форме и должно быть объективным по содержанию – при условии, конечно, что субъект познания стремится получить знания, соответствующие познаваемому объекту. И только в этом смысле можно говорить о том, что устанавливаемая в уголовном судопроизводстве истина является объективной.

Вывод о том, что “истина не является целью деятельности”, а как “понятие используется лишь для оценки результатов деятельности”, А.С. Ба-

рабаш подкрепляет следующими доводами. Он полагает, что “соответствие с действительностью возможно выявить, только если речь идет об имеющейся информации при соотношении ее с информацией, снятой о том же с другого следа... но информация – еще не знание следовательно, прокурора, судьи”⁶³. Исходя из этого, далее утверждается, что “проверять можно только информацию, на рациональном уровне это сделать невозможно”⁶⁴.

С помощью данной конструкции автор пытается опровергнуть теоретическое положение, согласно которому в уголовном процессе “проверка получаемых знаний практикой осуществляется в ходе самого процесса познания, на его чувственной и рациональной ступенях”⁶⁵. Он считает, что проверка практикой в процессе доказывания имеет место только при чувственном познании, на рациональном уровне это сделать невозможно⁶⁶. “Сложно представить, каким образом включается

⁶³ Барабаш А.С. Указ. соч. С. 113–115. Следует отметить, что употребление в данном случае словосочетания “соответствие с действительностью возможно выявить” некорректно. Выявить можно то, что уже существует. Соответствие с действительностью устанавливается в процессе познания, ибо оно (это соответствие) не существует в готовом виде.

В методологическом отношении представляется глубоко ошибочным мнение, согласно которому истина “как совокупность объективных данных существует вне процесса ее познания” (см.: Панькина И.Ю. “Истина” и “доверительность” в уголовно-процессуальном доказывании // В сб.: Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Материалы междунар. науч.-практич. конф. С. 228). Истина как соответствие знаний действительности не существует и не дается в готовом виде. Истина – это результат правильного процесса познания. Ошибочно полагать о ее существовании за пределами процесса познания. Кроме того, следует учитывать, что познается не истина, а объективная действительность.

⁶⁴ Там же. С. 115. Невозможность использования практики в качестве критерия истины на рациональном уровне познания ранее отстаивали и другие авторы (см., например: Кореневский Ю.В. Об истине в уголовном судопроизводстве // В кн.: Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В.А. Власихина. М., 2000. С. 152–157).

⁶⁵ См.: Дорохов В.Я. Марксистско-ленинская гносеология – основа теории доказательств. С. 60.

⁶⁶ См.: Возможность использования в уголовном процессе критерия общественной практики только применительно к собиранию доказательств ранее обосновывал В.Д. Арсеньев (см.: Арсеньев В.Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе. Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1967. С. 267, 268). Полностью отрицает существование критерия достижения объективной истины в уголовном судопроизводстве Д.А. Мезинов (см.: Мезинов Д.А. К вопросу о возможности и критериях достижения объективной истины в уголовном судопроизводстве. С. 93).

⁶⁰ См.: там же.

⁶¹ С этим в конечном итоге соглашается и автор анализируемой позиции, когда совершенно обоснованно отмечает, что “влияние субъективного фактора на познание объективно существующих вещей содержит в себе предпосылки следственных и судебных ошибок” (см.: Ульянова Л.Т. Указ. соч. С. 27). Поэтому и только в этом смысле содержание человеческих знаний, правильно отражающих объективную действительность, не должно зависеть от познающего субъекта – человека.

⁶² Гриненко А.В. Система принципов и цель производства по уголовному делу // Правоведение. 2000. № 6. С. 185.

в проверку практика на рациональном уровне”, — заключает А.С. Барабаш⁶⁷.

Действительно, осознание включения практики в проверку знаний, получаемых в процессе доказывании на рациональном уровне познания, само по себе представляет определенную сложность. Сформировать правильное представление об этом без учета связи онтологической и гносеологической основ судопроизводства невозможно. Однако сложность представления о каком-либо процессе не может служить аргументом в пользу того, что данный процесс не существует, тем более что в теории доказательств достаточно полно и детально обосновано и показано, как проверка практикой результатов познания осуществляется в процессе доказывания не только на его чувственном, но и на рациональном уровне. При этом общественная практика используется главным образом в качестве опосредованного критерия истинности доказательств и делаемых на их основе выводов. В силу этого указанные выше аргументы не опровергают вывода и приведенных в его обоснование в теории доводов о том, что “практика присутствует в самом ходе воссоздания мысленной картины того, что произошло в действительности, когда совершаются различные мыслительные процессы, логические операции... Все логические фигуры, правила, связи понятий, суждений, которые используются в процессе доказывания, в конечном итоге являются отражением связей, объективно присущих явлениям, процессам природы и общества”⁶⁸. “Практика человека миллиарды раз повторяясь, — отмечал В.И. Ленин, — закрепляется в сознании человека фигурами логики”⁶⁹.

Возможность использования практики в качестве критерия истины только применительно к информации, получаемой в ходе производства следственных и судебных действий, отрицание применимости данного критерия по отношению к рациональному уровню познания в доказывании обусловлены сужением понятия общественной практики до результатов следственных и судебных действий. Естественно, что при таком ограниченном понимании практики как критерия истины с неизбежностью становится “сложно представить” не только то, “каким образом включается в проверку практика на рациональном уровне”, но и, как подчеркивал В.Я. Дорохов, “нельзя ответить на ряд существенных вопросов, связанных

с практической проверкой истинности выводов следователя и суда, в частности нельзя объяснить роль общественной практики на рациональной ступени познания”⁷⁰.

Проблема истины приобрела особую остроту в связи с введением в уголовное судопроизводство института особого порядка судебного разбирательства (разд. X УПК РФ). Не вдаваясь в детальный анализ данного института, ограничимся лишь замечаниями общего порядка⁷¹. Рассматриваемый институт не согласуется с онтологическими, гносеологическими и правовыми основами судопроизводства и как следствие, не соответствует и его назначению⁷².

Судопроизводство при реализации данного института на практике осуществляется фактически вне связи с обстоятельствами совершенного преступления. Суд в ходе судебного следствия не исследует данные обстоятельства, не выясняет, соответствуют ли признание обвиняемым своей

⁶⁷ Дорохов В.Я. Марксистско-ленинская гносеология — основа теории доказательств. С. 66, 67.

⁷¹ Специалистами этот институт оценивается неоднозначно. Одни полагают, что его введение оправданно, поскольку он содержит все необходимые гарантии защиты прав участников судопроизводства (см.: Бережко Е.В. Некоторые аспекты реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства // В сб.: Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (К 5-летию УПК РФ). Материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 578–581; Кайгородов А.А. Реализация принципов устности и непосредственности при рассмотрении уголовных дел в порядке, предусмотренном главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // В сб.: Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики. Материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11–12 апреля 2012 г.). М., 2012. С. 277, 278).

Другие авторы обращают внимание на то, что институт особого порядка судебного разбирательства представляет собой отказ от ряда принципов уголовного процесса (см., например: Тетрова Г.Н. Тенденции развития процессуальных гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания. Тезисы доклада Междунар. науч.-практ. конф. М., 2004. С. 75; Абдрахманов Р.С. Особый порядок судебного разбирательства в свете принципов уголовного судопроизводства // В сб.: Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 128–132).

⁷² См.: Соответствие данного института назначению уголовного судопроизводства ставилось под сомнение и ранее (см.: Ежелев Ю.А. К вопросу об особом порядке судебного разбирательства // В сб.: Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (К 5-летию УПК РФ). С. 581, 582).

⁶⁷ Барабаш А.С. Указ. соч. С. 115.

⁶⁸ Дорохов В.Я. Марксистско-ленинская гносеология — основа теории доказательств. С. 62.

⁶⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 198.

вины и вменяемые ему обстоятельства совершенного преступления тому, что имело место в действительности. Решение вопроса вины и меры наказания (основного вопроса уголовного дела) суд основывает не на результатах осуществленного им самим познания (в форме процедуры доказывания – собирания, проверки и оценки доказательств), а фактически на вере в правдивость признания обвиняемым своей вины и вере в выводы органов предварительного расследования. Требование закона о необходимости убеждения судьи в обоснованности обвинения, его подтверждения доказательствами, собранными на предварительном следствии, при вынесении обвинительного приговора (ч. 7 ст. 316 УПК РФ), по существу носит формальный, декларативный характер. Оно не подкрепляется соответствующими процессуальными гарантиями, так как анализ доказательств и их оценка судьей в приговоре согласно закону не отражаются (ч. 8 ст. 316 УПК РФ).

В результате уголовно-процессуальная форма рассматриваемого института вступает в противоречие с правовыми основами судопроизводства, создает предпосылки для осуществления различного рода коррупционных схем, позволяющих уклониться от уголовной ответственности лицам, совершившим преступления, и привлечь к таковой невиновных. В теории обоснованно обращалось внимание на то, что реализация особого порядка судебного разбирательства в совокупности с использованием института преюдиции на

практике оборачивается возникновением колоссальных деформаций, ставящих крест на многих конституционных правах и гарантиях⁷³.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Отказ от установления истины при производстве по уголовным делам не столь безобиден, как может показаться на первый взгляд. Он с неизбежностью ведет к тому, что судопроизводство вступает в противоречие со своими онтологическими, гносеологическими и правовыми основами, а часть закрепленных в законе форм (особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) теряет присущую судопроизводству качественную определенность. Разрешение судами вопроса вины и меры наказания по большинству уголовных дел оказывается в прямой зависимости от выводов органов предварительного расследования. Суды становятся заложниками результатов их деятельности. Судебная власть утрачивает гарантированную Конституцией РФ самостоятельность и независимость.

⁷³ См.: Головки Л.В. Три аксиомы применения института преюдиции в уголовном процессе // В сб.: Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. С. 57, 58. Содержащийся в данной работе вывод Л.В. Головки о недопустимости придания преюдициального значения приговорам, вынесенным в особом порядке, в теоретическом отношении представляется обоснованным и заслуживает поддержки.